

Науменко Надежда Витальевна

СИМВОЛ И ЛИТЕРАТУРА В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2012/2/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (57). С. 12-13. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2012/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Таким образом, время движется вперед и появляется все больше и больше исследований, проливающих свет на пути к разгадке вечных вопросов нашего бытия, одним из которых является понятие «свободы».

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия истории* // Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*. М., 1935. Т. VIII.
2. Фромм Э. *Душа человека*. М., 1992. 430 с.
3. Хайек Ф. А. *Дорога к рабству* // *Вопросы философии*. 1990. № 10-11.

УДК 130.2; 141.319.8

Надежда Витальевна Науменко

Санкт-Петербургский государственный горный университет

СИМВОЛ И ЛИТЕРАТУРА В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ[©]

Объяснение функции символического в литературном произведении является относительно новой темой исследования, а также представляет собой оригинальный способ объяснения символического в культуре. Литературное произведение выступает как особое измерение философско-антропологического знания, обращение к которому оказывается актуальным в связи с неполнотой известных теоретических обоснований положения человека в символическом пространстве культуры.

Важно прояснить, какое из многообразных определений термина символического подразумевается. Как известно, существуют различные способы использования термина символического даже в рамках европейской философской традиции. Разногласие, определяющее отношения англоязычной аналитической (Рассел, Витгенштейн, Остин) и континентальной (феноменология (Гуссерль, Хайдеггер), герменевтика (П. Рикер), структурализм) традиций затрудняет сформировать единый универсальный взгляд на проблему символического. Мы рассматриваем понятие символа в русле более традиционной для континентальной философии постановки проблемы символического, связанной, во-первых, с потребностью метафизического мышления в предъявлении своего предмета, а, во-вторых, с необходимостью опосредования между коммуникативной функцией знака и реальностью бессознательного.

При попытке сравнения двух философских методов истолкования символического: герменевтического и структурного, как альтернативный им можно предложить метод генетического анализа, представленный в антропологической теории Р. Жирара и Э. Ганса. Анализ онтологического понимания символа проводился в контексте того, что только возможно (платоновское «Единое») и того, что только действительно (аристотелевская «энергея»).

В современной мысли разрешение двойственности онтологического понимания символа связывается, прежде всего, со специфическим отношением сознания и языка. Это означает, что символ берется не сам по себе, но всегда в контексте своего конкретного функционирования в культуре и коммуникативном сообществе. При этом законы указанного функционирования определяются не априори из необходимости метафизического мышления о том, что только действительно или только возможно, но исходя из конкретной потребности коммуникативного сообщества в собственном воспроизводстве. Таким образом, символ утрачивает свою самодостаточность в качестве представления бытия и оказывается подчиненным более общим законам, связывающим устойчивый характер знаковой деятельности и реальность человеческого сообщества, которое теперь понимается в первую очередь как семиотическое. Онтологическое понимание уже недостаточно, а «семиотический подход» позволяет по-новому увидеть скрытые механизмы культуры.

При сравнении философских подходов к пониманию литературного произведения и на конкретном примере можно показать, каким образом применяются некоторые из них (например, отражение концепции М. М. Бахтина в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и мифопоэтическое прочтение романа В. В. Набокова «Отчаяние»).

При сравнении и сопоставлении двух видов объяснения символического в культуре - структурного и интенционального - возможно дополнить их новым методом генеративной антропологии и дать его критическую оценку.

В современной философии появляется новый подход к «реальности» субъективного. Подход, где для человека оказывается «реальным» то, что подрывает его идентичность, а именно некоторое травматическое деструктивное событие, которое замещается знаковым действием, учреждающим символический строй различия и делает его двойственным. В то же время именно двусмысленность образа человека делает его неисчерпаемым в области символического творчества. В результате в современной культуре парадоксальным образом соединяются сферы вымысла и реального. Художественная фантазия становится легитимным и часто единственным свидетельством о той травматической реальности, столкновение с которой порождает символический порядок человеческого мира. В таком случае, с одной стороны, литература оказывается

своеобразным антропологическим фактом, который свидетельствует о реальном посредстве символического. С другой стороны - представляет собой сложную символическую практику, где деструктивные импульсы инвестируются бессознательным в элементы антропогенеза (творчество).

Таким образом, расширение сферы философского понимания символического позволяет уточнить его место и роль в формировании культурного сообщества.

УДК 111; 130.2; 141.319.8

Надежда Витальевна Науменко

Санкт-Петербургский государственный горный университет

СИМВОЛ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[©]

Постановка вопроса о функции символического и вообще о самом понятии символического связана, в первую очередь, с удовлетворением потребности метафизического мышления в специфической форме данности своего предмета - сверхчувственного бытия. Такое понимание символа по праву можно определить как онтологическое, поскольку символ здесь выступает способом представления бытия для мышления.

Онтологическое понимание символа связано именно с умопостигаемым бытием и мышлением. И поскольку познание символа в данном контексте связано с бытием возможного и действительного, онтологическое понимание символа рассматривается в контексте двух основополагающих метафизических интуиций - того, что только возможно (платоновское «Единое») и того, что только действительно (аристотелевская «энергейя»). Согласно указанному пониманию существует два символических опыта, один из которых связан с платоновским представлением, дающим целостную трактовку символа как интуитивно постигаемого указания на высшую форму объекта. Идея Платона представляет собой род онтологического символа, отражающего мир в процессе становления, и отсылает к Единому, которое, по выражению А. Ф. Лосева, есть возможность равная бытию.

Другой опыт восходит к аристотелевскому представлению о бытии, где мир уже стал и символ отражает становящуюся интеллигибельность бытия. В данном случае функция символического состоит в воспроизведении недостающей модальности мышления о бытии, а именно модальности возможности, иначе говоря, вешной формы, в отношении того, что по смыслу своего бытия только действительно и/или деятельностно, каковым у Аристотеля выступает субстанция мира: божественный ум или перводвигатель. Основное понятие Аристотеля - «чтойность» вещи есть символ вещи и всего космоса, свидетельствующий о них и от них неотрывный: «...чтойность вещи есть ее внутренне-внешнее единство и тождество... [она] символически сопрягает смысловую заданность со всеми ее возможными внесмысловыми, алогическими осуществленностями» [1, с. 726].

В целом, можно сказать, что символ создается при движении души в различении возможного и действительного и в своей глубинной сути выражает совместность бытия возможностью и бытия действительностью.

Художественное произведение, согласно Аристотелю, в сюжетном смысле состоит из различных топосов (символов), ведущих к одной цели произведения. Аристотель полагает, что предмет художественного произведения всегда символичен, а само произведение определяет как целое, отмечая его смысловую телеологическую целостность.

Представленное онтологическое понимание символического связано, как видно, с античной философией и наиболее фундаментальным образом переосмысливается в философии искусства М. Хайдеггера («Исток художественного творения»).

А именно, в искусстве, через творение, которое по Хайдеггеру «есть символ», совершается истина не самого творения, но его истока, т.е. изначального, еще не предметного и в этом смысле символического бытия действительности, которое и есть красота. В целом можно сделать вывод, что художественный символ, согласно приведенной точке зрения, в своей глубинной сути выражает совместность бытия возможностью и бытия действительностью в эстетическом феномене.

Новое понимание символического в русле той же традиции складывается в трансцендентальной философии. Здесь функция символического состоит не просто в представлении умопостигаемой действительности, но в таком представлении, которое одновременно утверждает единство познавательных способностей, т.е. специфический способ самоосуществления субъективного в мире объектов. Таким образом, в философии И. Канта происходит совмещение двух символических опытов (становящейся возможности и интеллигибельной действительности) в опыте возвышенного и проводится попытка разрешения двойственного понимания символа. Дальнейшее развитие онтологического понимания символического связано с романтизмом (Ф. Шеллинг, Ф. Шлегель, И. В. Гете, Ф. Шиллер) и философией А. Шопенгауэра, где развивается кантовское учение. Необходимо отметить, что указанное понимание символического получает свое завершение в философии М. Хайдеггера. Художественный символ, согласно позиции Хайдеггера, как она представлена